Б. Т. ГОРЯНОВ

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ИММУНИТЕТ

(Окончание)[1]

Рассмотрим теперь хрисовулы XII в. Они представляют собой переходный этап к поздневизантийскому времени, которое нас специально интересует.

В литературе имеется мнение К. Н. Успенского о том, что в XII в. мы встречаем или только «подтвердительные» грамоты, или же «расплывчатые» хрисовулы, содержащие лишь общую характеристику экскуссии. Экскуссия в этот период, утверждает К. Н. Успенский, «суживается и мутится»[2]. Необходимо, следовательно, установить, действительно ли сужается экскуссия в XII в. или, наоборот, она получает дальнейшее развитие.

От XII в. можно было бы ожидать большего количества законодательных актов об экскуссии. Однако, до нас дошло сравнительно немного хрисовулов.

Прежде всего обращает на себя внимание простагма Мануила I Комнина от 1145 г. монастырю на острове Лерос[3]. Этот акт состоит из двух частей. Первая часть является просьбой монаха и кафигумена монастыря Феоктиста к императору Мануилу Комнину. Вторая часть является решением (λύσις) Мануила. В своей просьбе Феоктист напоминает, что император Алексей I Комнин пожаловал экскуссию двенадцати парикам, принадлежавшим монастырю, и просит подтвердить привилегии, пожалованные Алексеем I. В λύσις этой простагмы Мануил Комнин подтверждает привилегии, предоставленные Алексеем I парикам монастыря и жалует монастырю шесть новых париков, освобождая их также от всяких налоговых повинностей πάσης καὶ παντοίας δημοσιακῆς εἰσφορᾶς καὶ ἀπαιτήσεως). В простагме содержится указание, что подтверждаемые льготы распространяются не только на существующие повинности, но и на те, которые могут быть замышлены в будущем (οὖσί τε καὶ ἐς ὕστερον ἐπινοηθησομένης). Здесь содержится уже упоминавшаяся нами формула κατὰ τὸ καθόλου τῆς τοιαύτης ἐξουσίας κεφάλαιον, в которой мы можем усмотреть указание на практику экскуссионных грамот предшествующего периода, т. е. XI—начала XII в. Эта простагма является одним из первых актов, в которых пожалованная экскуссия распространяется на париков, зависимых от владельца экскуссионной грамоты. Впрочем, подобное явление мы изредка встречаем и в самом конце XI в. Так, в 1099 г. Алексей I Комнин пожаловал монастырю св. Иоанна Богослова четырех

[1] См. ВВ, т. XI, стр. 177—199.

[2] К. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1917—1922, стр. 80.

[3] MM, VI, p. 104—105.

париков и объявил их свободными от всех налогов, как ныне существующих, так и могущих быть объявленными впредь[4].

В 1189 г. дука и ἀναγραφεύς фемы Μυλάσσης καὶ Μελανουδίου Василий Ватац издал специальное постановление о налогах (διάγνωσις ἀναγραφική), относящееся к Латрскому монастырю св. Павла возле Милета[5]. В этом постановлении подчеркивается общее изъятие от налогов не только монастыря, но и зависимых от него париков. Налоговая экзимированность предстает в этом постановлении в общем виде, из специальных налогов отмечаются только два их вида с добавлением, что монастырь и его парики освобождаются и от всех других видов налогов[6]. Определялась также весьма незначительная сумма, 2 номизмы с монастыря и 9 иперперов за его три стаси в местности Ларима, которую ежегодно должен был вносить монастырь.

Среди хрисовулов XII в. мы встречаем несколько актов, содержащих общее подтверждение экскуссии. Из этого разряда можно отметить хрисовул Алексея I Комнина от 1106 г. монастырю Преображения на горе Сагмате в Бестии. В хрисовуле говорится, что император «украсил монастырь «царской» честью, пожаловал Ункрийскую бухту и постановил сделать отцов свободными от налогов» (ἀφορολογήτους)[7]. Такой же характер носит хрисовул Мануила Комнина от 1158 г.[8] Патмосскому монастырю Иоанна Богослова. Этот акт также состоит из двух частей, просьбы кафигумена монастыря Леонтия и решения императора. В первой части содержатся упоминания о правах, пожалованных монастырю прежними актами, и просьба защитить монастырь от нарушений этих прав со стороны практора острова Самос или какого-нибудь другого чиновника[9]. В решении говорится о том, что «моя царственность решила подтвердить свободу и экскуссию, пожалованную благочестивому монастырю в упомянутом хрисовуле и остальных императорских простагмах»[10].

К этому времени относится также несколько хрисовулов, в которых идет речь о привилегиях специального характера. Так, в хрисовуле Исаака II Ангела (1185—1195) от 1186 г.[11] монастырю Иоанна Богослова предоставляются привилегии торговым судам монастыря, которые по этому хрисовулу освобождались от уплаты налогового сбора (δεκατείας). В этом акте содержится указание на прежнюю экскуссию, пожалованную монастырю Алексеем I Комниным (ἐξκουσσείαν καθ' ὁλόκληρον), по которой монастырь освобождался от уплаты налогов, за исключением десятинного сбора с кораблей. Хрисовул 1186 г. свидетельствует, таким образом, о дальнейшем расширении прав монастыря. Документ аналогичного характера мы встречаем в 1197 г. Это — распоряжение великого логариаста Иоанна Велиссариота дуке острова Крит Никифору Контостефану об освобождении флота патмосского монастыря Иоанна Богослова от налогового обложения[12]. Разработанное значительно подробнее, чем акт 1186 г., оно было основано на указе Алексея III Ангела от того же 1197 г.[13], в котором подробно говорилось о порядке свободного плавания кораблей монастыря как

---

[4] MM, VI, p. 95.
[5] Ibid., IV, p. 319—320.
[6] Ibid., p. 319.
[7] Ibid., V, p. 253.
[8] Ibid., VI, p. 110—113.
[9] Ibid., p. 112.
[10] Ibidem.
[11] Ibid., p. 119—121.
[12] Ibid., p. 139.
[13] Ibid., p. 137—139.

в восточные, так и в западные области и о праве причаливать ко всем островам в водах столицы.

Эти хрисовулы и распоряжения специального характера никак не свидетельствуют об измельчании экскуссии, как это думал К. Н. Успенский [14]. Наоборот, они целиком стоят на почве той полноты экскуссии, которой уже добились их владельцы в предшествующие столетия. Об этом в актах содержатся совершенно точные указания, не оставляющие никакого сомнения в их характере. Новые права, жалуемые в этих актах, представляют, таким образом, дальнейшее расширение экскуссии, а отнюдь не ее сужение.

В XII в. мы можем отметить некоторые постановления общего характера в отношении церковно-монастырских имуществ. Сюда относится новелла Иоанна II Комнина (1118—1143) от 1139 (1124) г., появление которой было вызвано злоупотреблениями областных чиновников, которые, пользуясь смертью того или иного епископа, расхищали церковное имущество. Иоанн Комнин запретил в этих случаях доступ во владения церкви чиновникам — судьям, сборщикам налогов, практорам, дукам, стратигам, проноитам и всем другим [15]. Из общих постановлений следует отметить и хрисовул монастырям Константинополя и его окрестностей, в котором предписывается, чтобы имущество этих монастырей «считалось каждым из практоров не находящимся под его властью и обладанием»; следующее за этим указание еще более выразительно: «и подобно тому как практоры в неподчиненных им фемах не могут осуществлять свои права или вообще делать что-либо, так и в монастырских владениях практоры тех фем, которым подчинены в податном отношении эти владения, не должны считаться практорами» [16].

Мы уже говорили о том, что в XI в. о светской экскуссии свидетельствуют лишь единичные документы. В XII в. мы также можем отметить лишь очень ограниченное количество материалов, относящихся к светской экскуссии. Рассмотрим основные черты этих документов XI—XII вв.

К 1074 г. относится хрисовул Михаила VII Дуки Парапинака (1071—1078), пожалованный им Михаилу Атталиату по просьбе последнего [17]. Об этой просьбе Михаила Атталиата говорится во вступительной части (prooemium) хрисовула: «так как он (Михаил Атталиат) заметил, что его дом в Редесте и принадлежащие ему владения в феме Фракии и Македонии постоянно открыты всем податным чиновникам для расхищения и разрушения и подвергаются великому вреду, он принес нашей царственности горячую просьбу и просил, чтобы сделать их свободными посредством нашего хрисовула» [18]. По этой просьбе Михаил VII Дука освободил Михаила Атталиата от «всякой налагающей подати руки» (ἐπηρεαστικῆς χειρός). В хрисовуле подробно перечисляются льготы, которые получил Михаил Атталиат, а также приводится список чиновников, которым запрещался доступ в его владения. Формулировка пожалований этих привилегий почти совпадает с теми формулировками, которые мы уже встречали в монастырских экскуссионных грамотах того времени. Экскуссия освобождала Михаила Атталиата главным образом от поставки содержания чиновникам, подробно перечисленным в хрисовуле. Однако он не освобождался от основной денежной подати и некоторых других денежных

---

[14] К. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, стр. 79.
[15] Jus, III, p. 429.
[16] Ibid., p. 453.
[17] MM, V, p. 135—138.
[18] Ibid., p. 136.

взносов, причем эти исключения из налоговых льгот специально оговаривались в хрисовуле[19]. Привилегии Михаилу Атталиату были в 1079 г. подтверждены Никифором Вотаниатом[20], причем они были распространены не только на владения самого Михаила Атталиата, но и на владения, которые он пожертвовал монастырю в Константинополе и убежищу для бедных (πτωχοτροφεῖον), выстроенному им в городе Редесте. В этом «подтвердительном» хрисовуле Никифора Вотаниата говорится, что Михаил VII Дука пожаловал Михаилу Атталиату полную экскуссию (ἐπορίσατο ἐξκουσσείαν αὐτοῖς παντελῆ)[21]. Однако мы видели, что эта «полная экскуссия» была связана с целым рядом ограничений.

К 1073 г. относится другой хрисовул Михаила VII Дуки протопроэдру Андронику Дуке о пожаловании ему земельных владений и экскуссионных привилегий. Изложены эти привилегии по обычной распространенной форме XI в. в отношении налоговых изъятий и освобождения от натуральных повинностей. В конце хрисовула мы встречаем формулу διὸ παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα, однако за этой формулой нет полного перечисления чиновников: сказано только ἀπό τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων с добавлением широкой формулы καὶ λοιπῶν. Этого перечисления нет и в той части хрисовула, в которой говорится о натуральных повинностях, связанных с пребыванием чиновников на территории владельца грамоты; здесь мы видим также сокращенную формулировку: ...διατροφῆς ἐπὶ πόλεμον ἀπιόντων ἢ ὑποστρεφόντων, μανδατόρων τοῦ δρόμου πρέσβεις ἀγόντων ἢ ἐξορίστους, ἢ κατά τινα ἄλλην χρείαν διερχομένων, ἀρχόντων τε ἅμα καὶ προελευσιμαίων βασιλικῶν ἀνθρώπων ἐπί τινας ἀποστελλομένων δουλείας[22].

К 1184 г. относится распоряжение об утверждении владений членов фамилии Скордилов на острове Крите, сделанное кефалией острова Константином Дукой[23]. Документ интересен тем, что привилегии определенно связываются в нем с прежде сделанными пожалованиями в порядке пронии. Во вступительной части этого акта говорится, что необходимо восстановить каждого в его наследственном владении землей, пожалованной императорами в порядке пронии с прежних времен до нынешних (ἀποκαταστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἑνὶ ἑκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν αὐτοῦ καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς... βασιλέων ἐκ πρώην ὡς μέχρι τὴν σήμερον δεδομένην)[24]. Дальше идет перечисление членов фамилии Скордилов, к которым относится это распоряжение, а в конце хрисовула дается перечень их владений. Привилегии выражены здесь в очень туманной форме, но сопровождаются обычной формулой: τῶν ἐξῆς καὶ ἐς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους.

Эти акты, хотя их и сохранилось, естественно, значительно меньше, чем монастырских, позволяют, как мы уже отмечали, решительно отвергнуть ту теорию, согласно которой экскуссия — явление, свойственное исключительно или почти исключительно монастырскому землевладению.

Таковы основные источники о византийской экскуссии XI—XII вв. Мы видим, что, несмотря на многоречивость ранних хрисовулов, подробное перечисление налоговых изъятий и списков должностных лиц, от вмешательства которых освобождались монастыри и светские лица, получающие грамоты об экскуссии, основные элементы экскуссии в этом периоде еще

---

19 MM, IV, p. 136.
20 Ibid., p. 138—145.
21 Ibid., p. 139.
22 Ibid., VI, p. 1—3.
23 Ibid., III, p. 233—237
24 Ibid., p. 233.

окончательно не сложились, хотя за эти два века они претерпели большие изменения на пути своего развития. Хрисовулы XII в. за отдельными исключениями отходят от многословной формы XI в. Явное предпочтение отдается здесь общим формулам, общим терминам, которые все более кристаллизуются и получают новое содержание. Это особенно относится к обозначению платежей. Хрисовулы перестают подробно перечислять платежи, от которых освобождаются владельцы грамот, все чаще встречаются обобщающие термины для целого ряда платежей. Эта новая форма получит свое дальнейшее развитие в позднее время, она свидетельствует, бесспорно, о постепенном расширении экскуссии. Такое же явление мы наблюдаем и в отношении встречающихся в хрисовулах XI—XII вв. перечней должностных лиц, хотя здесь тенденция обобщения выражена менее ярко. В хрисовулах этого времени мы не встречаем еще сведений о праве суда владельцев экскуссии. Как мы увидим впоследствии, оформление основных черт судебной экскуссии относится уже к поздневизантийскому периоду.

От поздневизантийского времени до нас дошло наибольшее количество сведений о церковно-монастырском и светском феодальном землевладении. Нам нужно выделить среди них основные группы и сделать обзор наиболее характерных памятников, который поможет установить основные линии развития экскуссии в этот период. Необходимо в первую очередь посмотреть образцы грамот, появившихся в промежуточную эпоху Латинской империи в греческих центрах, возникших после крушения Византийской империи[25]. Эти грамоты, продолжая линию развития предшествующего времени, оказали влияние на развитие экскуссии после восстановления Византийской империи.

Из эпохи Никейской империи мы остановимся на актах Иоанна III Дуки Ватаца (1222—1254). Источники отмечают для его времени развитие владений, раздаваемых на основе пронии. Получателями пронии были, главным образом, представители командного состава армии и светские землевладельцы-мегистаны[26]. Развивалось и монастырское землевладение. Иоанну Ватацу принадлежит ряд хрисовулов, пожалованных известному монастырю Лемвиотиссы возле Смирны. Этот монастырь был одним из крупнейших центров монастырского землевладения. Он широко использовал предоставлявшиеся ему привилегии, добивался их расширения, увеличивал свои владения за счет соседних земель. Экономическое положение монастыря Лемвиотиссы изучалось В. Г. Васильевским[27], Б. А. Панченко[28] и А. Вишняковой[29]. В хрисовуле 1228 г.[30] восстанавливаются права монастыря на все его владения, которые перечисляются в акте, вместе с находящимися на них париками. Мы отмечаем здесь своеобразную

---

[25] Следует отметить, что и в Морейской хронике — ценном источнике для изучения общественных отношений в Латинской империи — мы встречаем среди других византийских терминов и экскуссию, которая передается испорченным словом среднего рода εγχούσιον. Раскрывая содержание экскуссии, хроника рассказывает о просьбе владельцев проний об освобождении их от всевозможных повинностей, которые обозначаются новым интересным термином δεσποτικόν. См. J. Schmitt. The Chronicle of Morea. London, 1904, p. 202.

[26] М. А. Андреева. Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Прага, 1927, стр. 97.

[27] В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ч. 210, 1880.

[28] Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 92—145.

[29] А. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. ВВ, т. XXV, 1927, стр. 33—52.

[30] MM, IV, p. 1—3.

формулу экскуссии: ἐξκουσσεύειν ἡ βασιλεία μου εὐδοκεῖ διὰ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου... ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπηρείας. После этой формулы идет перечисление отдельных налогов, от которых освобождался монастырь. Как мы увидим ниже, встречаются грамоты, в которых обозначены только налоги, не входящие в экскуссию. В рассматриваемом хрисовуле мы видим смешанную форму, т. е. после перечисления ряда налогов читаем ἄνευ μόνων τῶν τῷ δημοσίῳ ἀνεκόντων δύο κεφαλαίων τῆς ἀγάπης καὶ τῆς σιταρκίας, от которых монастырь не освобождался. Наконец, в конце хрисовула мы видим формулу «полной» экскуссии: κατὰ γὰρ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφάλαιον ἡ βασιλεία μου εὐδοκεῖ ἐξκουσσεύεσθαι πάντα τὰ τῇ τοιαύτῃ μονῇ διαφέροντα.

Подобную же формулу полной экскуссии мы находим в описании владений монастыря Лемвиотиссы (καθολικὸς περίορος), сделанном по повелению императора Иоанна Ватаца стратопедархом Фракисийской фемы Михаилом Фокой в 1235 г.[31] В нем указывается, что все владения монастыря следует рассматривать как его собственность, они должны иметь защиту и быть свободными на основе полной экскуссии (ἵν' ἔχωσι τούτους ὡς οἰκείους καὶ δεφενδεύωσιν αὐτοὺς καὶ ἐξκουσσεύωσιν κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφάλαιον). В этом описании содержится подробный перечень всех владений монастыря с точным обозначением их границ. В описании отмечается, что жалуемые привилегии распространяются и на париков, зависимых от монастыря, после чего следует обычный перечень налогов, от которых освобождается монастырь. Перечень завершается широкой формулой: καὶ πάσης ἄλλης οἱασδήτινος ἐπηρείας. Уже в этом документе нет указаний на налоги, от которых не освобождался монастырь, в чем нельзя не усмотреть дальнейшего расширения экскуссии. Эти привилегии монастыря подтверждены и в хрисовулах Иоанна Ватаца от 1235[32] и 1251 гг.[33], в которых снова встречаются те же формулы полной экскуссии, что и в акте 1228 г., но без ограничений налоговой экзимированности.

Отметим еще один ὁρισμός без года и месяца, который его издатели относили к Феодору II Ласкарю и датировали 1258 г.[34] В этом акте уже ясно обозначается переход к более широким формулам экскуссии, характерным для поздневизантийского времени. Экскуссия в этом акте распространяется на все метохи монастыря, движимое и недвижимое имущество и на париков. Причем в документах дается наиболее пространная формула экскуссии.

Из документов этого промежуточного периода отметим еще только хрисовул эпирского деспота Феодора Ангела от 1228 г., адресованный митрополиту Керкиры Георгию Вардану и подтверждающий права церкви этой митрополии[35]. Эпирские деспоты во всей деятельности подчеркивали свою преемственность по отношению к прежней византийской династии, прекратившей свое существование после латинского завоевания. В этом документе Феодор Ангел ссылается на хрисовул своего прадеда Алексея I Комнина, который жаловал церкви Керкиры полную свободу и не допускал привлекать церковь к каким-либо повинностям или взносам, а также на хрисовул Мануила Комнина, по которому церкви жаловалось 80 париков. Имеется упоминание и о пожаловании Мануилом Комнином других владений, наделенных правами экскуссии (ἐξκουσσαυτεύτων). Наконец, в акте имеются ссылки на хрисовулы Исаака II и Алексея III Ангелов, подтвер-

[31] MM, IV, p. 4—18.
[32] Ibid., p. 18—22.
[33] Ibid., p. 22—26.
[34] Ibid., VI, p. 196—197.
[35] Ibid., V, p. 14—15.

ждавшие хрисовулы их предшественников. Феодор Ангел подтверждает все прежние права церкви Керкиры и передает их ей в «вечную безопасность»[36]. Интересно отметить, что термины экскуссии в это время употребляются также и в актах о торговых привилегиях купцам, как, например, в ὁρισμός, изданном в 1266 г. эпирским деспотом Михаилом Дукой о торговых привилегиях купцов Дубровника[37]. Взятые нами для образца акты показывают, что и в это время формы экскуссии продолжали развиваться в том же направлении, которое наметилось к концу предшествующего периода.

Восстановление Византийской империи и приход к власти династии Палеологов означал окончательную победу крупной феодальной знати. Если в Никейской империи и Эпирском деспотате в силу внешних условий непрестанной борьбы с соседними государствами развитие процесса феодализации было несколько задержано, то теперь оно протекает беспрепятственно, достигая своего апогея к моменту турецкого завоевания. Возобновление процесса феодального раздробления относится уже к первым годам правления основателя новой династии Михаила VIII Палеолога (1261—1282), при котором мы можем отметить также и дальнейшие шаги к укреплению экскуссионных прав светского и духовного землевладения.

Законодательная деятельность императоров династии Палеологов соответствовала традициям, отраженным как в хрисовулах императоров, правивших до латинского завоевания, так и в грамотах первой половины XIII в. В 1259 г., еще до коронации в Константинополе, Михаил VIII Палеолог пожаловал монастырю св. Марии на острове Хиосе хрисовул, содержавший подтверждение всех его владений[38]. Ссылка на прежние привилегии и прежние акты прямо указана в этом хрисовуле (πάντα τὰ προσόντα παλαιγενῆ καὶ πρόσφατα δικαιώματα). В хрисовуле приводится формула о том, что все владения монастыря должны быть освобождены от всякого притеснения. В том же 1259 г. Михаил VIII Палеолог пожаловал хрисовул патмосскому монастырю Иоанна Богослова[39]. Мы видим в нем снова распространенную в это время формулу подтверждения прежних привилегий. В хрисовуле подчеркивается, что привилегии монастыря распространяются на его париков. Усиление зависимости этих париков усматривается из того, что их наименование сопровождается термином δουλευταί. Оформляются теперь и те термины экскуссии, которые все чаще будут встречаться в поздних хрисовулах: καθέξει... ἀνενοχλήτως πάντη καὶ ἀδιασείστως καὶ ἀνεπηρέαστως καὶ ἐκτὸς πάσης συζητήσεως καὶ ἀπαιτήσεως[40].

В 1262 г. Михаил VIII Палеолог подтвердил привилегии монастыря Лемвиотиссы[41], которого вообще не оставляли без внимания императоры династии Палеологов. В XIII в. монастырь получил пять хрисовулов. Мы снова видим ссылки на прежние, уже рассмотренные нами акты Иоанна Ватаца и Феодора II Ласкаря, распространение привилегий на все владения, на париков и на крестьян, не вписанных в податные кадастры (μετόχια..., χωρία, παροίκους τε καὶ ξένους καὶ ἀνεπιγνώστους). Наконец, мы встречаем здесь указание, что хрисовул дан монастырю «для отражения и удаления всякого лица, пытающегося несправедливо и корыстолюбиво заводить споры о принадлежащих ему (монастырю. — *Б. Г.*) правах и вопреки

---

[36] Другой хрисовул Феодора Ангела (в пользу Навпактской церкви) опубликован В. Г. Васильевским в его «Epirotica saeculi XIII». ВВ. III, 1896, стр. 296—299.
[37] MM, III, p. 58—59.
[38] Ibid., V, p. 10—13.
[39] Ibid., p. 199—201.
[40] Ibid., p. 201.
[41] Ibid., IV, p. 26—28.

содержанию имеющихся у монастыря документов приблизить хищную руку и властную ногу к принадлежащим ему вещам»[42].

Сопоставление двух хрисовулов Михаила VIII Палеолога монастырю Макринитиссы недалеко от залива Воло в Фессалии позволяет проследить расширение налоговой экскуссии. В хрисовуле 1272 г.[43] монастырь этот освобождался от всех налогов, за исключением двух — на строительство укреплений и судов[44]. В хрисовуле же 1274 г.[45] монастырь не освобождался «только от одного налога на строительство укреплений»[46].

К концу XIII и в начале XIV в. общие формулировки налоговой экзимированности постепенно стабилизируются и становятся обычным явлением в императорских хрисовулах. Мы отмечали большое количество хрисовулов, полученных в XIII в. монастырем Лемвиотиссы. К 1284 г. относится хрисовул Андроника II Палеолога (1282—1328) этому монастырю[47]. В нем снова встречаем описание владений монастыря, по которому можно проследить их дальнейший рост. Все владения монастыря без всяких исключений освобождались от налоговых повинностей[48]. К 1309 г. относится хрисовул Андроника II Меникейскому монастырю возле Сереса в Македонии[49]. В этом акте мы встречаем перечисление состава лиц, на которых распространяется его действие (προσκαθημένους ἀνυποστάτους πτωχοὺς καὶ ἀκτήμονας), а также запрещение доступа налоговых и других чиновников (δημοσίου διενεργούντων, οὔτε παρ' ἑτέρου τινος τῶν ἁπάντων[50]). Права этого монастыря были снова подтверждены Андроником II Палеологом в 1321 г.[51] и вторично в том же году,[52] а в 1329 г. — Андроником III Палеологом (1328—1341)[53]. Привилегии монастырю выражены здесь также в общей, весьма широкой форме. В первом из хрисовулов Андроник II возводил Меникейский монастырь в разряд патриарших[54]. Во втором хрисовуле 1321 г. мы встречаем ту же общую формулу налоговой экзимированности. Вслед за этой формулой приводятся названия нескольких отдельных налогов, от которых освобождался монастырь. В числе этих названий здесь указаны такие, которые раньше составляли исключение из налоговых изъятий (οὔτε γὰρ τὸ τῆς σιταρκίας κεφάλαιον ... οὔτε τὸ τῆς ὁρικῆς καὶ τῆς καστροκτισίας καὶ τοῦ ἐννομίου)[55]. Введение в хрисовул названий этих налогов не является, таким образом, отступлением от общей широкой формулы, все более входившей в употребление, а лишь ее подкреплением, с большей силой подчеркивая ее полноту.

Продолжительное пребывание в Мистре французского ученого Г. Милле позволило ему опубликовать много нового эпиграфического и документального материала[56]. Среди этого материала были опубликованы и 4 хрисовула XIV в.[57], в которых Милле уточнил чтение текстов по сравнению

---

42 MM, IV, p. 28.
43 Ibid., p. 330—332.
44 Ibid., p. 332.
45 Ibid., p. 333—336.
46 Ibid., p. 335.
47 Ibid., p. 28—32.
48 Ibid., p. 32.
49 Ibid., V, p. 90—92.
50 Ibid., p. 92.
51 Ibid., p. 92—93.
52 Ibid., p. 94—97.
53 Ibid., p. 99—101.
54 Ibid., p. 94.
55 Ibid., p. 96.
56 G. Millet. Inscriptions byzantines de Mistra. Bulletin de Correspondance hellénique, XXIII (1899), I—VI (janvier—juin), p. 97—155.
57 Ibid., p. 110—118.

с их предыдущим изданием[58]. Первым из этих документов является хрисовул Андроника II Палеолога 1314—1315 г. монастырю в Мистре, данный по просьбе архимандрита и протосинкелла Пахомия. Хрисовул содержит пространную вступительную часть, в которой обычным для поздних хрисовулов торжественным языком провозглашаются цели церковной политики императора и причины появления этого документа. В следующей части находится перечисление владений монастыря, с указанием париков, находящихся в отдельных владениях. В специальном разделе непосредственно после перечисления владений мы встречаем перечень иммунитетных привилегий, которые жаловались монастырю[59]. Как и во всех поздних хрисовулах, мы не встречаем здесь подробного перечисления должностных лиц, от вмешательства которых давалось освобождение данным хрисовулом. В нем содержится указание на широкое освобождение от вмешательства всех должностных лиц, стоящих во главе управления Пелопоннесом в настоящее время, а также чиновников, управляющих отдельными частями территории Пелопоннеса, и лиц, осуществляющих в этих местах сборы правительственных налогов (οὔτε παρὰ τοῦ... τῶν ἐκεῖσε δημοσιακῶν δουλείων ἔχοντος). Налоговым сборщикам и на будущее время запрещается составлять какие-либо описи монастырского имущества (ἀπογραφικὴν δουλείαν ἐν τῇ τοιαύτῃ χώρᾳ ποιήσασθαι).

Следующим документом является хрисовул Михаила IX, соправителя Андроника II[60], также выданный по просьбе протосинкелла Пахомия и построенный по такому же плану, как предыдущий хрисовул. Относящаяся к налоговым изъятиям часть документа изложена здесь в еще более широкой формулировке, причем указание на отдельные виды налогов, от которых освобождался монастырь (δόσεως ἐννομίου καὶ καταθέσεως βρωσίμων καὶ ποσίμων εἰδῶν), отнюдь не снижает ее значения. Здесь просто дается указание, что, кроме общих льгот, монастырь освобождается от доставки съестных припасов и напитков, тем более, что после этих слов снова повторяется, что монастырь освобождается от всяких других взысканий, практикующихся в области (ἑτέρας εἰσπράξεως, κατὰ χώρας ἐπερχομένης).

В 1320 г. Андроник II снова пожаловал хрисовул монастырю в Мистре[61]. В этом документе интересно, что после общего перечня должностных лиц, от власти которых освобождается монастырь, такая же формулировка повторяется специально и по отношению к налоговым сборщикам[62].

Последним из этой публикации является хрисовул Андроника II от 1322 г.[63] тому же монастырю. В этом документе мы встречаем несколько более широкий перечень отдельных повинностей и налогов, от которых освобождается монастырь (δόσεως ἐννομίου, ἀγγαρείας, καστροκτισίας, σιταρχίας, καταθέσεως βρωσίμων καὶ ποσίμων καὶ ἀλλοίων εἰδῶν).

Но это перечисление также не носит ограничительного характера, ибо тут же, непосредственно после него, говорится, что монастырь освобождается от всякого другого взыскания, практикующегося в данной местности и никто (из должностных лиц) не имеет права требовать чего-либо с принадлежащих монастырю метохов или из других владений, которые подробно перечислены в хрисовуле. Никто из имеющих намерения произвести налоговую перепись не имеет права вступать во владения монастыря.

---

58 Ζησίου Σύμμικτα, 1892, σελ. 18—71.
59 G. Millet. Inscriptions byzantines de Mistra, p. 104.
60 Ibid., p. 106—112.
61 Ibid., p. 112—115.
62 Ibid., p. 114.
63 Ibid., p. 115—118.

Поскольку мы говорили о хрисовулах Андроника II, мы не можем здесь обойти его актов, в которых встречаются указания на привилегии экскуссии жителям отдельных городских общин. Среди этих актов в первую очередь должен быть назван хрисовул Андроника II церкви и жителям города Янины[64]. Этот очень интересный хрисовул начинается обстоятельным объяснением причин, по которым император решил предоставить широкие привилегии церкви города Янины. Затем хрисовул переходит к привилегиям жителям города, жалуемым императором по просьбе городской общины (ἐπεὶ οἱ ἔποικοι τῆς θεοσώστου πόλεως τῶν Ἰωαννίνων ἐζήτησαν καὶ παρεκλήτευσαν). Городу Янине предоставлялась свобода и экскуссия и всем жителям его давалось право беспошлинной торговли не только внутри города, но и во всех других областях и городах империи (ἐν αὐτῇ τε τῇ πόλει αὐτῶν καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις χώραις καὶ τοῖς κάστροις τῆς βασιλείας μου. . .)[65]. В своем хрисовуле Андроник II давал янинцам обещание не принуждать их нести военную службу за пределами своего города (οὐδὲ καθέλκωνται, ἵνα ἐκδουλεύσωσι στρατιωτικῶς ἐκτὸς τῆς τοιαύτης πόλεως)[66]. В хрисовуле несколько раз повторяется, что жители Янины должны иметь полную свободу от притеснения и экскуссию. Широкие привилегии экскуссии были пожалованы в 1284 г. Андроником II Палеологом также жителям города Монемвасии в подтверждение аналогичного акта Михаила VIII Палеолога[67]. По этому хрисовулу монемвасийцам предоставлялась «всякая экскуссия и свобода от всякой подати и тяготы». В 1317 г. Андроник II особым хрисовулом снова подтвердил привилегии жителей Монемвасии, особенно в области торговли[68]. Хрисовулы городам Янине и Монемвасии занимают особое место среди документов поздневизантийского времени. Аналогичных документов, относящихся к собственно византийским городам, до настоящего времени не обнаружено. Это обстоятельство, а также совершенно недостаточная изученность византийского города не позволяют сделать какие-либо обобщающие выводы.

В XIV в. экскуссия окончательно принимает те формы, в которых она наблюдается до конца византийской истории. Для этого века, да и для последующего десятилетия XV в., можно отметить большое количество актов монастырской экскуссии. Они предоставляют монастырям полноту налоговой экзимированности, освобождают от вмешательства чиновников и утверждают права судебного иммунитета, на котором нам необходимо сейчас остановиться несколько подробнее.

Развитие судебного иммунитета относится к поздневизантийскому времени. Если мы посмотрим на более ранние акты монастыря Лемвиотиссы, имевшего широкие права экскуссии, то мы увидим, что в судебных спорах с посторонними лицами монастырь являлся ответственным перед судом Смирнского митрополита, дуки Фракисийской фемы, военного судьи (κριτῆς τοῦ φοσσάτου). Так, в 1228 г. смирнский митрополит Георгий разбирает спор, возникший между монастырем Лемвиотиссы и крестьянами села Приновари[69]. Подобное явление мы встречаем в целом ряде других актов, относящихся к этому монастырю[70].

Напротив, в XIV в. судебный иммунитет выступает уже как вполне сложившийся институт. Характерным в этой связи документом является

---

[64] MM, V, p. 77—84.
[65] Ibid., p. 81.
[66] Ibidem.
[67] Ibid., p. 154—155.
[68] Ibid., p. 165—168.
[69] Ibid., IV, p. 187—189.
[70] Ibid., p. 93—94, 165—166, 167—168, 178—181, 211—212 и др.

хрисовул, пожалованный в 1364 г. трапезунтским императором Алексеем III Комнином (1350—1390) монастырю богородицы на горе Сумела[71]. Хрисовул решительно запрещал доступ чиновников во все монастырские владения для производства суда и сборов налогов и предоставлял право суда над зависимыми от монастыря париками самому монастырю (δικαίῳ τῆς βασιλείας μου παρὰ τοῦ μέρους τῆς μονῆς ὀφείλουσι κρίνεσθαι καὶ ἀπαιτεῖσθαι καὶ διεξάγεσθαι). В этом хрисовуле содержится поименный список париков, зависимых от монастыря[72], после которого имеется указание, что они освобождаются от всех практикующихся в области налогов и других повинностей, как ныне существующих, так и могущих быть предусмотренными впредь, больших и малых. Монастырские парики освобождались по полному положению иммунитета: κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφάλαιον — формула, которую мы встречали уже в прежних хрисовулах. В литературе уже отмечались особенности терминологии этого хрисовула. Термин καπαλικῶς объясняется фразой хрисовула о том, что если сверх названных париков придут из других мест люди, не внесенные в царский катастих, и поселятся на землях монастыря, то и они подобным же образом будут освобождены от податей и будут записаны внутри определенного καπάλιον округа[73].

В хрисовуле Андроника III Палеолога от 1331 г. монастырю Иоанна Богослова предоставлялось право взыскания за определенные преступления, в частности за убийство и деворастление[74]. П. А. Яковенко приходил к правильному выводу о том, что предоставление права производить взыскания означало также и пожалование права производить суд по этим преступлениям и получать судебные штрафы[75].

Значительно шире, чем у монастырского землевладения, было право суда над зависимым населением у светских землевладельцев-прониаров, что уже отмечалось В. Г. Васильевским[76] и Ф. И. Успенским[77]. Мы можем найти подтверждение этому в актах монастыря Лемвиотиссы. В этих актах мы встречаем сообщения, что светские прониары выступали на суде как представители своих париков, а парики постоянно обращались к суду своих прониаров. Так, некий Сиргари, именуемый в одном из актов λίζιος и καβαλλάριος, являлся на областной суд для рассмотрения своих дел и дел своих париков (δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ)[78]. В другом случае, говоря о споре, возникшем между париками Сиргари, упоминается, что он отослал это дело на рассмотрение особых должностных лиц своей пронии (ἐπέπεμφε τὴν τοιαύτην κρίσιν πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ)[79].

Судебные права светских землевладельцев-прониаров станут для нас яснее, если мы рассмотрим общее развитие светской экскуссии в поздневизантийское время. Среди документов, опубликованных Миклошичем и

---

[71] MM, V, p. 276, 281.

[72] Поименный список париков встречается и во многих других хрисовулах, например в хрисовуле Андроника III Палеолога от 1331 г. монастырю Иоанна Богослова. MM, VI, p. 252—253.

[73] Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 172.

[74] MM, VI, p. 253.

[75] П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, стр. 30.

[76] В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. Труды, IV, стр. 415.

[77] Ф. И. Успенский. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, стр. 23.

[78] MM, IV, p. 41.

[79] Ibid., p. 81.

Мюллером, мы встречаем недатированный акт, относящийся, очевидно, к концу XIII в., на имя вестиарита Иоанна Равдоканакиса. По этому акту подтверждались его владения в местности по реке Димосиат, о которых у него был спор с монастырем Лемвиотиссы. Акт был составлен по повелению императора дукой Фракисийской фемы Иоанном Дукой Куртиком[80]. Иоанну Равдоканакису по его просьбе жаловались указанные владения, причем отмечалась формула беспрепятственного распоряжения спорными хорафиями в терминах, уже знакомых нам из рассмотренных прежде актов экскуссии[81].

Другой образец светской экскуссии мы находим в самом конце XIII в. в хрисовуле Андроника II Палеолога Георгию Трулину[82], по которому подтверждались его права на значительные земельные владения (600 тыс. модиев) возле города Серры и делалось указание, что он может владеть ими как наследственной землей (κατέχῃ τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικήν) По этому акту владениям Георгия Трулина, а также жившим на них зависимым и свободным крестьянам жаловалась экскуссия, выраженная в обычной форме этого времени[83]. Форма налоговой экскуссии представлена здесь в уже знакомом нам виде, когда из полной экскуссии делались исключения путем перечисления налогов, от которых владелец грамоты не освобождался: ἄνευ μέντοι τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὁρικῆς, τοῦ φόνου καὶ τῆς εὑρήσεως τοῦ θησαυροῦ[84]. Интересно отметить, что здесь встречается термин χρυσοβουλλάτοι, которым, в отличие от всего остального населения, назывались люди, подпавшие под действие экскуссии (В других актах для обозначения таких лиц мы встречаем термины ἐξκουσσάτοι, πανεξκουσσάτοι). Ограничение налоговой экскуссии здесь старательно подчеркнуто. В конце хрисовула, где говорится, что власти не должны искать с Георгия Трулина сборов, снова подчеркивается, что это не относится к «выше названным видам налогов»[85].

В правление Андроника III Палеолога мы отмечаем его хрисовул от 1338 г. на имя пансеваста, военного судьи Алексея Дипловатаца о его владении (οἰκονομία) в Пелорегии в местности Завалтии возле Серр[86]. По этому акту владения Алексея Дипловатаца признавались его полной собственностью, которой он может распоряжаться беспрепятственно и передавать по наследству как своим детям, так и другим наследникам (κατέχειν... τὴν εἰρημένην γῆν... ὡς γονικήν... καὶ παραπέμπειν... πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφύος παῖδας καὶ κληρονόμους αὐτοῦ). Алексей Дипловатац и его наследники получали право экскуссии, освобождение от действий сборщика налогов или кого-либо из других чиновников, действовавших в местности вокруг его владений. Андронику III принадлежит и другой хрисовул, выданный им пансевасту гетериарху Иоанну Панарету в местности возле города Зихны[87].

По этому хрисовулу Панарету был пожалован ποσότης с его владений в размере 30 иперперов, что является одним из основных элементов пожалований на основе пронии. Владение передавалось Панарету в порядке наследственного права (κατὰ λόγον γονικότητος) и освобождалось от вмешательства как вообще областных властей, действовавших

---

80 MM, IV, p. 219.
81 Ibid., p. 219.
82 Ibid., V, p. 89—90.
83 Ibid., p. 89.
84 Ibid., p. 90.
85 Ibid., V, p. 260 (1295 a.). Cp. ibid., V, p. 90 (1299 a.); IV, p. 91 (sine anno).
86 Ibid., V, p. 107.
87 Ibid., p. 109—110.

в районе городов Серры и Зихны, так особенно налоговых чиновников. В хрисовуле оговаривалось, что присвоенные Панарету привилегии он имеет право передавать детям и другим наследникам, которые могут пользоваться ими на таких же основаниях, что и Панарет.

Для изучения социально-экономических институтов в XIV—XV вв. наряду с документами собственно-византийскими большое значение имеют хрисовулы сербских правителей XIV в., особенно Стефана Душана (1331—1355), в правление которого средневековая Сербия достигла максимального расширения своей территории на Балканском полуострове, завоевав значительную часть Македонии, Албании, Фессалии и Эпира. Стефан Душан перенес на сербскую почву византийский придворный церемониал, ввел должности и чины по византийскому образцу. В занятых им областях Византии Стефан Душан поддерживал византийское монастырское землевладение и широко раздавал новые владения монастырям. Монастыри и византийская знать получали здесь иммунитетные грамоты и освобождение владений от налогов и повинностей. Хрисовулы Стефана Душана были копией византийских образцов. Никифор Григора, например, сообщает, что Стефан Душан управлял завоеванными землями Византии по обычному ромейскому (т. е. византийскому) образцу (ἑαυτῷ δ' αὐτῶν ἐκεῖθεν Ῥωμαϊκῶν χωρῶν καὶ πόλεων κατὰ τὴν εἰθισμένην δίαιταν)[88]. Поэтому акты Стефана Душана и последующих сербских правителей могут расширить наши представления об иммунитетных правах монастырского и светского землевладения в XIV в.

Одним из интересных образцов светской экскуссии, дающей права не только налогового, но и судебного иммунитета является сербский хрисовул 1361 г. Деспот города Арты в Эпире Иоанн Цафа Урсин обратился к Симеону Урошу с просьбой дать ему хрисовул взамен прежних актов, выданных ему Стефаном Душаном и погибших при пожаре. В результате этой просьбы и появился этот хрисовул от 1361 г.[89] одновременно на греческом и сербском языках, как и многие другие акты сербских правителей этого времени. В хрисовуле перечисляются владения, пожалованные Иоанну Цафе Урсину на основе пронии (διὰ προνοίας). Помимо налоговой экскуссии владения эти освобождались от всякого вмешательства областных чиновников: «пусть никто не осмелится вступать в них (владения. — *Б. Г.*), творя зло и насилие, но пусть бегут от них прочь, как от пещи огненной» (οὐδεὶς τολμήσει τοῦ ἐμβαλεῖν ἐπ'αὐτὰ πόδα κακωτικὸν ἢ ἐπιζήμιον, ἀλλὰ πόρρω φεύξονται ἀπ' αὐτῶν ως ἀπὸ καμίνου πυρός)[90]. Особо оговорено в хрисовуле освобождение от вмешательства судебных властей: «пусть никто не осуществляет в них (владениях. — *Б. Г.*) суда, но пусть будут свободны и пусть, кроме того, он владеет правом суда во всяких спорах» (καὶ ἵνα μὴ ἔχῃ κρίσιν μετά τινος ἐπ' αὐτῶν, κἂν ἔχῃ τις δίκαιον ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλ' ἵνα κατέχῃ αὐτὰ χωρὶς κρίσεως καὶ ἀμφιβολίας τῆς οἱασδήτινος)[91]. Аналогичные привилегии мы можем отметить в хрисовуле Стефана Душана Георгию Фокопулу от 1352 г.[92] Здесь мы также встречаем категорическое запрещение архонтам и архонтопулам вступать во владения иммуниста и что-либо предпринимать по отношению к этим владениям[93].

---

[88] Nic. Gregora, XV, 1, ed. Bonnae, p. 747.

[89] А. Соловјев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, XXXII, стр. 230—239; MM, III, p. 126—129.

[90] MM, III, p. 128.

[91] Ibid., p. 128—129.

[92] Ibid., V, p. 132—133.

[93] Ibid., p. 133.

Ознакомимся с некоторыми образцами светской экскуссии XV в. В 1427 г. деспот Мореи (Пелопоннеса) Феодор II Палеолог (1407—1443), сын императора Мануила II Палеолога, выдал Георгию Гемисту аргировул на его владения в Фанаре[94]. Этот документ интересен тем, что в нем содержится прямое указание на право сбора налогов, которое предоставлялось Георгию Гемисту, а после его смерти его сыновьям Димитрию и Андронику. Исключение делалось для налога φλωριατικόν, который должен был передаваться в распоряжение государства (ὀφείλει εἶναι τοῦ δημοσίου). В 1428 г. этот аргировул Феодора II Палеолога был подтвержден императором Иоанном VIII Палеологом (1425—1448)[95]. Наконец, в 1450 г. деспот Мореи Димитрий Палеолог (1449—1460), другой сын императора Мануила II Палеолога, пожаловал аргировул сыновьям Георгия Гемиста Димитрию и Андронику на те же владения во Врисе и Фанаре[96]. В этом аргировуле снова подтверждалось право сбора государственных налогов (δόσεις αὐθεντικάς). Отметим еще грамоту деспота Пелопоннеса Константина Палеолога, впоследствии последнего византийского императора, от 1444 г. Этим актом Димитрию Мамоне Григоре жаловались владения в местности Приник, причем владельцу грамоты предоставлялись обычные привилегии экскуссии. В этом акте мы видим интересные примеры западных влияний в терминологии, характерных для Пелопоннеса, долго находившегося под властью латинян, а именно, огреченные латинские термины. Так, мы встречаем здесь «принципат» (πριντζιπάτου) в смысле «владение». Кроме того, в акте встречается указание на грамоту, выданную «личным генералом моей царственности господином Иоанном Франгопуло» (ἀπὸ ἴδιον γενεράλη τῆς βασιλείας μου, κύριον Ἰωάννην Φραγγόπουλον)[97].

Судебные права светских иммунистов, развившиеся в поздней Византии, являлись прямым следствием личной зависимости крестьян от светских феодалов, подобно тому, как это происходило и на Западе. Не случайно, что в позднее время отношения землевладельцев к зависимым от них крепостным-парикам определялись обычно терминами δεσπότης, δεσπόζειν.

В поздней Византии расширяются и судебные права духовенства. Уже в XIII в. духовные суды рассматривали и некоторые уголовные дела[98]. Независимые церковные учреждения, особенно так называемые императорские и ставропигиальные монастыри, которые в церковной сфере пользовались полной самостоятельностью по отношению к местной церковной власти, имели также известные права судебной власти, во всяком случае в отношении разбора судебных дел между монахами[99].

Хрисовул Стефана Душана Меникейскому монастырю Иоанна Продрома возле города Серры от 1345 г.[100] несколько отличается от формы, распространенной в XIV в. в Византии. Мы встречаем в нем перечисление ряда налогов, а не общую формулу налоговой экзимированности, обычную для

---

[94] MM, III, p. 173—174.
[95] Ibid., p. 174—176.
[96] Ibid., p. 225—227.
[97] Ibid., p. 258—259.
[98] См., например, Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над русскою церковью. СПб., 1878, стр. 214—215.
[99] И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 353; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 434—435. В актах мы находим указания, что епископальные власти не могли иметь никакого права суда во владениях монастыря: μηδὲν εἶχε δίκαιον εἰς τὸν τόπον.
[100] А. Соловјев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, стр. 8—17.

позднего времени. Очень отчетливо выражено здесь запрещение чиновникам вступать во владения монастыря: «никто из правителей ни внутри города Серры, ни вне его, ни из собирающих налоги или выполняющих другие обязанности не могут ничего требовать от этой местности, вступать во владения и метохи монастыря и что-либо требовать от него» [101]. Интересен общий хрисовул Стефана Душана от 1345 г., относящийся ко всем монастырям на Афоне [102]. Монастыри освобождались от налогов, как установленных византийскими императорами, так и введенных Стефаном Душаном (βασιλικῶν καὶ τῶν τῆς κραλότης ἡμῶν) [103]. В конце хрисовула указывается, что он относится ко всем монастырям на Афоне (πάσαις ταῖς κατὰ τὸ ἅγιον καὶ σεβάσμιον ὄρος μοναῖς).

В хрисовуле Стефана Душана Иверскому монастырю на Афоне от 1346 г. имеется прямое указание на то, что монастырю предоставлялось право размещать париков и проскафименов в своих владениях и взимать с них налоги (καὶ λαμβάνῃ ἐξ αὐτῶν ὀφειλόμενα δίκαια) [104]. Во втором хрисовуле Стефана Душана Иверскому монастырю от того же года содержалось очень важное расширяющее права экскуссии указание о том, что если другие парики, не записанные в кадастры, будут размещены во владениях монастыря, то и они получат защиту, экскуссию и свободу от всякого притеснения, как и другие парики и проскафимены [105].

Мы не будем перечислять другие хрисовулы Стефана Душана, построенные по такой же примерно форме, как рассмотренные нами. Упомянем еще лишь один интересный акт, относящийся к грамотам, выдававшимся отдельным городом и перекликающийся с хрисовулами Андроника II городам Янине и Монемвасии. Это — хрисовул Стефана Душана городу Кроя в Албании от 1343 г. Оригинал этого акта до нас не дошел, он известен лишь по латинскому переводу, сохранившемуся в акте короля Арагона и Неаполя Альфонса V от 1457 г., которым подтверждались привилегии города. В этом акте имеется также перевод грамоты Андроника II г. Крое. Подтверждая эти акты, король Альфонс V отмечает, что они были переведены с греческого языка (quorum quidem tenores privilegiorum e greco in latinum conversi tales habentur) [106]. В этом акте содержится упоминание, что жители города имеют привилегии с давних времен, еще от счастливой памяти императора Мануила Великого Комнина (omnia jura possident ab antiquo... privilegiis mandatisque felicis memorie imperatoris Manuelis Magni Comini). Всем должностным лицам — префектам, капитанам, кастеллянам — запрещалось требовать от жителей города налогов или выполнения каких-либо повинностей, жители города объявлялись свободными и имеющими иммунитет (et non prefecto, non capitano, non castellano penitus liceat exigere ab iis aliquid vel poene vel angarie vel colecturi vel vectigalis, hoc est gabelle, vel alicuius solutionis, sed omnino liberi et inmunes apud omnes serventur et habeantur). Граждане города не могли подвергаться должностными лицами аресту и подлежали наказанию лишь после следствия и суда (nec ab officialibus de facto debeant retineri. sed quecumque culpa eorum et causa sit, facto judicio et examine puniantur) [107]. Греческие термины ἐξκούσσιοι, ἐξκούσσεια в этом акте всюду передаются соответствующими латинскими терминами inmunes, immunitas.

---

101 А. Соловјев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, стр. 10.
102 Там же, стр. 30—35.
103 Там же, стр. 32.
104 Там же, стр. 40.
105 Там же, стр. 50.
106 Там же, стр. 312.
107 Там же, стр. 314.

Мы видели, что права экскуссии монастырей и светских землевладельцев в позднее время систематически расширялись. В XIII—XV вв. нам известна лишь одна попытка ограничения иммунитетных прав, вызванная финансовыми затруднениями при Андронике II Палеологе, заставившими его предпринять реформу податного обложения, и имевшая целью улучшить поступление налогов. Кроме повышения налогов, были введены некоторые новые натуральные повинности, в том числе σιτόκριθον, состоявший в том, что каждый землевладелец должен был сдавать государству часть урожая, а именно 6 модиев пшеницы и 4 модия ячменя с зевгаря.

В поисках новых источников доходов Андроник II сделал попытку ограничить налоговый иммунитет и сократить список налогов, от которых освобождались владельцы иммунитетных грамот. Так в 1325 г., подтверждая все прежние налоговые привилегии Зографского монастыря на Афоне, Андроник II потребовал, чтобы монастырь вносил σιταρκία со ссылкой на то, что все землевладельцы и даже императорские имения должны вносить этот вид налога (παρὰ τῶν ἄλλων κτημάτων τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς βασιλείας μου εὑρισκομένων, ἀλλὰ καὶ ἀπ' αὐτῶν τῶν ζευγηλατείων τῆς βασιλείας μου...)[108]. Подобные ограничения сделаны были в уже упоминавшемся нами хрисовуле Андроника II Георгию Трулину. Здесь налоговое изъятие не распространяется на ряд налогов (του κεφαλαίου τῆς σιταρκίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὁρικῆς, τοῦ φόνου καὶ τῆς εὑρήσεως τοῦ θησαυροῦ)[109]. В этом акте содержится общее указание Андроника II, что перечисленные виды налогов должны взиматься со всех владений, в том числе и от владельцев иммунитетных грамот[110]. В хрисовуле от 1311 г. Русскому монастырю на Афоне из налогового изъятия исключались σιταρκία, φόνικόν, παρθενοφθορία, εὕρησις θησαυροῦ причем здесь также делалось общее указание, что эти налоги должны взиматься со всех владений[111].

В этой политике ограничения иммунитетных прав были исключения и при Андронике II. Так, в 1321 г. эти ограничения для Меникейского монастыря были отменены по просьбе сербского короля Стефана Уроша III. В этом хрисовуле сделана была специальная оговорка, что монастырь не должен вносить налогов, которые по общим указам следовали со всех владений[112]. Подобные же исключения, по образцу грамот сербских королей, можно проследить и в хрисовулах Андроника II Хиландарскому монастырю от 1319 и 1321 годов[113].

Нам известны только эти отступления от ограничительной политики Андроника II. Следует отметить, что эти исключения делались под давлением сербских правителей, в остальных случаях эта политика, очевидно, проводилась последовательно. Особенно важным является то, что эти ограничения экскуссии распространялись не только на отдельные монастыри, а имели характер общих законодательных актов, имевших силу по отношению ко всем держателям иммунитетных грамот. Но политика ограничения экскуссии не имела перспектив. Уже при ближайших преемниках Андроника II все ограничения налоговой экскуссии были полностью отменены. Так, например, Иоанн V Палеолог в хрисовуле Зо-

---

108 Actes de l'Athos. Actes de Zographou publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Прилож. к XIII тому ВВ, 1907, стр. 51.

109 MM, V, p. 90.

110 Ibidem.

111 Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, № 20. Киев, 1873.

112 MM, V, p. 96.

113 Actes de l'Athos. Actes de Chilandar publiés par L. Petit et B. Korablev, Прилож. к XVII тому ВВ, 1911, акт № 41 (1319 г.), стр. 106—109; акт № 60 (1321 г.), стр. 141—143.

графскому монастырю от 1342 г.[114], упомянув об ограничении налоговой экскуссии в отношении σιταρκία, ὁρική и καστροκτισία, отменил эти ограничения. Ограничения экскуссии были отменены Иоанном V в 1353 г. также и по отношению к Русскому монастырю на Афоне[115]. Таким образом, попытка Андроника II ограничить права экскуссии не имела успеха, и до конца истории Византии мы не знаем никаких других попыток в этом направлении. Монастыри и светские землевладельцы беспрепятственно продолжали пользоваться достигнутой к этому времени полнотой прав экскуссии, не сдерживаемые более никакими ограничительными мероприятиями византийского правительства.

Мы можем подвести некоторые итоги. Говоря о происхождении экскуссии, нужно еще раз подчеркнуть, что оно не может быть объяснено ни тем, что экскуссия коренится в иммунитете поздне-римской империи, ни влиянием западноевропейских иммунитетных грамот. Экскуссия развивалась в Византии своими путями и корни ее нужно искать во внутренних условиях развития византийского общественно-экономического строя. Она явилась следствием борьбы крупного феодального землевладения, как светского, так и церковно-монастырского, против византийского централизованного государства, с одной стороны, и мелкого крестьянского землевладения, — с другой. Большинство дошедших до нас актов об экскуссии относится к монастырскому землевладению. Однако изученные нами материалы позволили нам установить, что наряду с монастырской развивалась и светская экскуссия. Развитие экскуссии монастырей, усиливавшей их экономическую мощь, ведет свое начало от того момента, когда в результате поражения иконоборческого движения были убраны все преграды на пути развития монастырского землевладения. Светская экскуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения. Возникновение экскуссии — как церковно-монастырской, так и светской — мы относим к X и особенно к первой половине XI в., когда процесс феодализации Византийской империи был в основном завершен. Институт экскуссии получает дальнейшее развитие в XI—XII вв., когда крупное феодальное землевладение окончательно одерживает победу над централизованным византийским государством, и достигает кульминационной точки в XIII—XV вв.

Первой по времени возникновения формой византийской экскуссии является налоговая экзимированность монастырей и крупных светских землевладельцев. Акты XI в. содержат широкий перечень налогов, от уплаты которых освобождаются владельцы иммунитетных грамот. В содержание самых ранних из известных нам хрисовулов не включается прямое запрещение доступа должностных лиц во владения держателей иммунитетных грамот. Мы видим в них лишь длинный перечень должностных лиц, которым запрещается нарушать жалуемые хрисовулами льготы. Только анализируя функции должностных лиц, перечисленных в ранних хрисовулах, мы можем установить, что их список состоял в основном из лиц, ведавших сборами налогов или наблюдением за выполнением натуральных повинностей. В более поздних хрисовулах мы уже встречаем установившуюся формулу налоговой экскуссии ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων, непосредственно за которой следует длинный перечень налогов, от уплаты

---

[114] Actes de l'Athos. Actes de Zographou. Прилож. к XIII тому ВВ, стр. 73.
[115] Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, № 21.

которых освобождался землевладелец, которому жаловалась экскуссия. К концу XI в. наряду с этой формулой экскуссии мы всюду встречаем в качестве ее второй части διὸ παρεγγυώμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπό τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων. За ней следует длинный перечень должностных лиц, которым запрещается доступ во владения обладателей экскуссионных грамот. Обе части формулы экскуссии логически тесно связаны между собою. Если в самых ранних хрисовулах характер льгот экскуссии можно было определить лишь на основе анализа списка упоминаемых в хрисовулах должностных лиц, то к концу этого первого этапа в развитии экскуссии мы уже встречаем точную характеристику налоговых льгот. Обе части формулы начинают взаимно дополнять и определять друг друга. Таким образом, можно считать установленным, что налоговая экзимированность является первым этапом развития византийской экскуссии, причем чем позднее хрисовулы этого периода, тем полнее список налогов, от которых освобождается владелец экскуссионной грамоты. В хрисовулах этого периода мы можем проследить совершенно явственную тенденцию как можно полнее представить список налогов и список должностных лиц, которым запрещено нарушать даруемые хрисовулом привилегии.

В развитии института экскуссии XII век можно считать переходным к поздневизантийскому времени, к XIII—XV вв. Одной из отличительных особенностей хрисовулов XII в. является то, что льготы, даруемые экскуссией, постепенно распространяются на париков, зависимых от владельца экскуссионной грамоты. В хрисовулах XII в. мы встречаем новые привилегии специального характера, например льготы, предоставляемые торговому флоту монастырей. Эти льготы давались в дополнение к уже полученным ранее льготам. В хрисовулах указывается, что эти льготы предоставляются на основе полной экскуссии (κατὰ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφάλαιον), т. е. владельцы хрисовулов могут пользоваться полным объемом привилегий, ставшим обычным к этому времени. Поэтому предоставление дополнительных льгот означало дальнейшее расширение экскуссии в XII в. Хрисовулы XII в. отходят от распространенных форм предшествующего периода, явное предпочтение в них начинает отдаваться общим формулам и терминам. Это относится как к перечням налоговых изъятий, так и к спискам должностных лиц.

В хрисовулах XII в. мы можем наблюдать большие изменения в отношении запрещения доступа должностных лиц на территорию иммуниста. Требования запретить доступ чиновникам начинают все чаще звучать в просьбах (δεήσεις) монастырей и светских владельцев, излагаемых обычно во вступительной части хрисовулов. И если в отношении предшествующего времени только косвенным путем можно было сделать вывод о наличии в грамотах запрещения доступа чиновникам, то теперь мы все чаще встречаем прямое запрещение доступа чиновникам во владения иммунистов.

Наконец, большое место в актах XII в. занимают так называемые подтвердительные хрисовулы, в которых содержится общее подтверждение экскуссии. В этих документах повторяются подтверждения привилегий, которых добились монастыри и светские владельцы в предшествующее время, встречаются уже стабилизировавшиеся к этому времени формулы экскуссии, изучение которых помогает нам составить себе более ясное представление об этапах развития этого института.

Высшей точки своего развития византийская экскуссия достигает в поздневизантийское время, в XIII—XV вв., когда после падения Латинской империи и восстановления Византийской империи процесс усиления крупного землевладения развивался без всяких преград. Светские и духов-

ные землевладельцы расширяют свои владения, добиваются все дальше идущих привилегий. Укрепление позиций землевладельцев-прониаров сказывалось не только в возрастании их экономической мощи, но и в росте их политических прав. Этот процесс, как и на Западе, шел по линии расширения иммунитетных прав. Развитие экскуссии направляло по новому пути развитие как пронии, так и церковно-монастырского землевладения. Если раньше земли передавались прониару лишь в пожизненное владение, то расширение экскуссии вело к превращению крупных феодальных владений в наследственные владения прониаров, к полному отрыву их от государственного земельного фонда.

В поздневизантийское время завершается развитие налоговой экзимированности, которая достигает теперь наибольшей полноты. В поздних актах становится постоянным явлением распространение налоговой экскуссии на зависимое от духовных и светских владельцев крестьянство. Наряду с этим в позднее время владельцы экскуссионных грамот получают право сбора государственных налогов с зависимого от них крестьянства. Таким образом, освобождение от налогов ни в какой мере не облегчало положение крестьянства, а лишь усиливало его закрепощение, его зависимость от светских и духовных землевладельцев.

Полнота налоговой экскуссии в позднее время выражена в актах XIII—XV вв. в общих формулировках, получающих теперь всеобъемлющее содержание. Формулы освобождения от налогов и повинностей становятся все короче и вместе с тем звучат все категоричнее. Так, в хрисовулах XIII в. мы уже не встречаем более подробного перечисления повинностей и припасов, которые могли требовать должностные лица, имеющие права на ἀπλήκτον и μιτάτον, здесь мы видим общую формулу: «освобождаются от постоя, размещения и содержания, доставки необходимого для дук и катепанов», а в XIV в. эта формула звучит еще короче: «от доставки съестных припасов и напитков». Освобождение от налогов также выражено в поздних актах в общих формулах. Наиболее распространенной формулой налоговой экскуссии становится выражение ἀπὸ πάντων τῶν δημοσιακῶν ζητημάτων καὶ ἀπὸ πασῶν τῶν ἐπηρειῶν. Налоговая экскуссия касается теперь не только существующих налогов, но распространяется также и на те налоги, которые могут быть установлены в будущее время.

Полного развития достигает в позднее время также и воспрещение доступа должностных лиц во владения держателей иммунитетных грамот. Выражения, запрещающие доступ чиновников, достигают в этом периоде максимальной отчетливости. Мы видим в поздних актах постоянно встречающиеся указания на то, что никто из имеющих намерение произвести налоговую перепись не может вступать во владения держателей экскуссионных грамот (οὐδὲ εἰσέρχεται εἰς τὰ μετόχια καὶ κτήματα). Держатели грамот освобождались теперь от вмешательства не только налоговых чиновников, но и всех должностных лиц областного и местного управления, что тщательно оговаривается в хрисовулах.

Развитие судебного иммунитета, как мы отмечали, также относится к поздневизантийскому времени. Монастыри и светские владельцы не только ограждались от вмешательства судебных чиновников, но и получали право суда над зависимым от них населением. И если судебная экскуссия не получила такого отчетливого и всестороннего развития, как судебный иммунитет на Западе, тем не менее и она прошла известный путь своего развития и получила если не совсем завершенные, то все же вполне отчетливые формы. Она, как и другие формы экскуссии, развивалась параллельно с ростом зависимости сельского населения, пока не была признана императорской властью, вынужденной и здесь пойти на уступки

феодальному землевладению, и не вошла в качестве неотъемлемого элемента византийских грамот, предоставлявших экскуссию.

Развитие светской экскуссии шло по пути развития пронии. Подобно тому, как пронія превращалась в постоянное владение, передаваемое по наследству, точно так же и привилегии светской экскуссии могли, как это указывалось в актах, передаваться детям и другим наследникам, которые получали право пользоваться этими привилегиями в том же объеме, что и первоначальные владельцы иммунитетных грамот. Право передачи привилегий экскуссии по наследству являлось дальнейшим развитием уже ранее установившегося порядка в отношении монастырского землевладения, по которому монастырям экскуссия жаловалась на вечные времена. (Напомним формулы: ἀπὸ νῦν καὶ εἰς τὸ ἑξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους. μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος, εἰς αἰῶνα τὰ ἅπαντα т. д.)

В поздневизантийское время завершался круг развития экскуссии. Обладая полнотой налоговой экскуссии, будучи ограждены от вмешательства должностных лиц центрального, областного и местного аппарата, получая право управления и суда по отношению к зависимому населению, монастыри и светские феодалы превращали свои владения в замкнутые административно-хозяйственные округа, почти не зависимые от центральной власти. Для выполнения налоговых, административных и судебных функций, принадлежавших раньше государству и перешедших постепенно в руки держателей иммунитетных грамот, в этих владениях формировался свой особый аппарат, создаваемый по образцу правительственных органов и действовавший вместо них на экзимированных территориях.

Таким образом мы видим, что процесс развития экскуссии имел глубокое влияние на процесс феодализации Византийской империи. Он усиливал феодальную земельную аристократию, и тем самым способствовал росту феодальной раздробленности Византии.